

П. Я. ЧААДАЕВ НА ПУТИ В РОССИЮ В 1826 ГОДУ

Публикация Д. Шаховского

Печатаемое „Дело об учреждении тайного надзора за ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка Чаадаевым“ — важный источник биографических сведений об этом писателе, по отношению к которому остается еще так много невыясненного. Особый интерес документа заключается в том, что в нем сохранился подлинный допрос Чаадаева при возвращении его из-за границы после 14 декабря 1825 г., который можно рассматривать как самое раннее из его писаний не эпистолярного характера, притом написанное его собственной рукой.

Объяснение к „Делу“ и к обрисованным в нем обстоятельствам даны после текста.

ДЕЛО О УЧРЕЖДЕНИИ ТАЙНОГО НАДЗОРА ЗА РОТМИСТРОМ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГУСАРСКОГО ПОЛКА ЧААДАЕВЫМ

1. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ — НИКОЛАЮ I

Его императорскому величеству

от его императорского высочества цесаревича

Р а п о р т

Получив донесение Варшавской секретной полиции, что прибыл из-за границы служивший лейб-гвардии в Гусарском полку ротмистр Чаадаев бывший адъютантом при генерал-адъютанте Васильчикове, и что сей ротмистр Чаадаев спешит ехать из Варшавы в Москву, долгом поставляю всеподданнейше донести о сем вашему императорскому величеству и присовокупить, что в бытность мою прошлого года в Карлсбаде, я видел там сего ротмистра Чаадаева и знал, что он жил в больших связях с тремя братьями Тургеневыми, а наиболее из них так сказать душа в душу с Николаем Тургеневым, донося при том, что сей Чаадаев, поступил в означенный полк из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка: он был отправлен с донесением к покойному государю императору в Троппау о известном происшествии в означенном лейб-гвардии Семеновском полку, и его императорское величество изволил отзываться о сем офицере весьма с невыгодной стороны и я обо всем оном долгом поставляю довести до высочайшего сведения вашего императорского величества.

(Подпись:) Инспектор всей кавалерии
Константин

№ 12.

7 июля 1826 г.
г. Брест-Литовск.

2. ДИБИЧ — МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

Главный штаб

Его императорского величества

№ 1224, 14 июля 1826.

С. Петербург.

Господину московскому военному генерал-губернатору

В скором времени должен прибыть служивший лейб-гвардии в гусарском полку и бывший адъютантом при генерал-адъютанте Васильчикове, ротмистр Чаадаев, который находился весьма в коротком знакомстве с преступником Николаем Тургеневым.

Государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы ваше сиятельство имели за ним г. Чаадаевым бдительнейший присмотр и буде малейше окажется он подозрительным, то приказали бы его арестовать.

Сию высочайшую волю имею честь сообщить вашему сиятельству к зависящему от вас исполнению.

Начальник главного штаба Дибич

3. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ — НИКОЛАЮ I

Его императорскому величеству

от его императорского высочества цесаревича

Р а п о р т

Вашему императорскому величеству от 7 сего июля из города Бреста Литовского всеподданнейше доносил я о полученном мной от Варшавской секретной полиции донесении, что прибыл из-за границы служивший лейб-гвардии в гусарском полку ротмистр Чаадаев, бывший адъютантом при генерал-адъютанте Васильчикове, что спешит он ехать из Варшавы в Москву, и что в бытность мою прошлого года в Карлсбаде, я видел его там и знал, что он жил в больших связях с тремя братьями Тургеневыми; а наиболее из них так сказать душа в душу с Николаем Тургеневым; поступил же лейб-гвардии в гусарской полк из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, был послан к покойному государю императору в Троппау с донесением о случившемся происшествии в оном полку, и о котором его императорское величество изволил отзываться с весьма невыгодной стороны.

По сим причинам я там же приказывал Брест-Литовскому пограничному почтмейстеру и начальнику тамошнего таможенного округа, по обязанности их осмотреть все, что есть у означенного ротмистра Чаадаева, коль скоро он прибудет в Брест, и что только подозрительного окажется представить мне; между тем он Чаадаев по приключившейся ему легкой болезни, оставался в Варшаве, и я по возвращении моем сюда нашел его еще здесь, но ничего такого против его не предпринимал, что бы могло подать ему мысль, что его подозревают, а только учрежден был за ним один секретный надзор, по коему ничего особенного в поступках его подозрительного не оказалось, и так он выехал в Брест.

Там пограничный почтмейстер и начальник таможенного округа исполнили мое приказание осмотром всего, что при нем было, и как нашли разные непозволенные книги и подозрительные бумаги, то оные представили мне, а его остановили в Бресте под надзором.

По рассмотрении здесь оных бумаг оказываются особенно из двух к нему Чаадаеву писем следы связи его с Николаем Тургеневым, с Му-

равьевыми и князем Трубецким, теми, которые известны в возмущении, так же заслуживают особого внимания стихи под названием „Смерть“, в коих упоминается о Занте; рекомендательное письмо англичанина Коока, обнаруживающее предмет поездки Чаадаева в Англию, и патент масонской верховной и как видно российской в С. Петербурге ложи, по коему принят в общество тайных белых братий и возведен на осьмую степень.

Выписку из всех найденных при нем бумаг с оригиналом вышеозначенного письма, масонский патент и каталог книгам на высочайшее вашего императорского величества благоизволение всеподданнейше представляя, осмеливаюсь испрашивать разрешения: как поступить с ротмистром Чаадаевым, которого до высочайшего вашего императорского величества разрешения приказал я из Бреста Литовского не выпускать и иметь за ним секретный полицейский надзор.

Подпись, как при № 1

№ 13.

Июль 21 дня 1826 года

Варшава.

4. ДИБИЧ — КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ

Главный штаб

его императорского величества

№ 1355. 11 августа 1826.

В Москве.

Главнокомандующему Литовским отдельным корпусом
его императорскому высочеству цесаревичу

Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт

Государь император получив донесение вашего императорского высочества от 21 прошедшего июля № 13 об отставном из лейб-гвардии гусарского полка ротмистре Чаадаеве, остановленном в Бресте Литовском со всеми оказавшимися при нем бумагами, высочайше повелеть соизволил уведомить ваше высочество, что государь император изъявляет вашему высочеству искреннюю благодарность свою за все меры, принятые на счет сего офицера и желает, чтобы ваше высочество приказали допросить Чаадаева по содержанию отысканных у него бумаг и найденных у него книгах, и о последующем уведомили бы его величество, между тем приказали оставить Чаадаева в Бресте Литовском под строгим надзором.

Донеся о сей высочайшей воле вашему императорскому высочеству, имею честь возвратить при сем доставленные от вашего высочества при донесении государю императору выписку из найденных при Чаадаеве бумаг, подлинное письмо, масонской диплом и каталог книгам, в том предположении, что во всех сих бумагах может встретиться надобность при взятии с Чаадаева допроса.

Начальник главного штаба Дибич

5. ДИБИЧ — КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ

№ 1407.
23 августа 1826.
В Москве.

Главнокомандующему Литовским отдельным корпусом
его императорскому высочеству цесаревичу
Начальника главного штаба его величества

Р а п о р т

Репортом моим от 11 сего августа имел я честь донести вашему императорскому высочеству о желании государя императора, чтоб остановленный в Бресте Литовском по распоряжению вашего высочества, отставной гвардии ротмистр Чаадаев, был допрошен по содержанию отысканных у него бумаг, а между тем находился бы под строгим надзором.

Ныне государь император высочайше повелеть мне соизволил просить покорнейше ваше высочество, приказать объявить Чаадаеву, что хотя из найденных при нем бумаг видно, что он имел самый непозволительный образ мыслей и был в тесной связи с действовавшими членами злоумышленников, за что подвергался бы строжайшему взысканию, но его величество, надеясь, что он изъявит чистосердечное в заблуждении своем раскаяние, видя ужасные последствия подобных связей, изволил предоставить особенному благоусмотрению вашего императорского высочества, освободить ли Чаадаева от всяких других взысканий, с тем, что изволит ожидать, что он почувствуя в полной мере заблуждения свой, будет мыслить и поступать как следует верноподданному.

О сей высочайшей государя императора воле имею честь вашему императорскому высочеству донести, покорнейше прося о последующем почтить меня уведомлением.

Начальник главного штаба Д и б и ч

6. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ — НИКОЛАЮ I

Его Императорскому величеству

от его императорского высочества цесаревича

Р а п о р т

Начальник главного штаба вашего императорского величества генерал-адъютант барон Дибич отношением за № 1355 сообщил мне высочайшую волю вашего императорского величества: чтобы остановленного в Брест-Литовском отставного из лейб-гвардии гусарского полка ротмистра Чаадаева приказать допросить в чем будет следовать, по содержанию отысканных у него бумаг и насчет оказавшихся у него же запрещенных книг.

Во исполнение каковой высочайшей вашего императорского величества воли командирован был в Брест-Литовский состоящий при мне флота капитан командор Колзаков, который взяв от Чаадаева надлежащее показание и видя между прочим из одного, что помянутый Чаадаев не дал еще подписки относительно принадлежности, или непринадлежности к тайным обществам, истребовал от него и оную. Таковые допрос и подписку всеподданнейше представляя при сем вашему императорскому величеству, доношу, что поелику начальник главного штаба вашего императорского величества генерал-адъютант барон Дибич вторичным отношением от 23 прошедшего августа № 1407 сообщил мне: что вашему

императорскому величеству благоугодно, дабы объявлено было Чаадаеву, что хотя из бумаг его видны как самый непозволительный образ мыслей его, так и тесные связи с действовавшими членами злоумышленников, за что подвергался бы он строжайшему взысканию, но ваше императорское величество надеясь, что он изъявит чистосердечное в заблуждении своем раскаяние, видя ужасные последствия подобных связей изволите предоставлять мне: освободить ли Чаадаева от всяких других взысканий в ожидании, что он почувствовав в полной мере заблуждения свои, будет мыслить и поступать как следует верноподданному; то вследствие сего по приказанию моему и объявлена Чаадаеву таковая высочайшая воля вашего императорского величества, затем освобожден он от дальнейшего полицейского надзора и дозволено ему отправиться в Россию.

№ 175

1 сентября 1826.

Варшава.

Подпись как при № 1

7. ДОПРОС ЧААДАЕВА *

Город Брест Литовский 26 Августа 1826 года по высочайшему его императорского величества повелению, объявленному в отношении начальника главного штаба его императорского величества к его императорскому высочеству Цесаревичу от 11 сего августа за № 1355 деланы были отставному из лейб-гвардии гусарского полка ротмистру Чаадаеву нижеследующие вопросы, на которые он в присутствии флота Капитан-Командора Колзакова отвечал:

1-й. Когда и по какому случаю оставили вы военную службу; не имели ли каких-либо особых побудительных причин, побудивших вас к оставлению оной?

[*Ответ*]. Службу оставил 29-го марта 1821 года. Побудительных причин не имел никаких, кроме домашних обстоятельств.

2-й. При выходе в отставку, имели ли уже намерение отправиться за границу?

[*Ответ*]. Хотя и не могу сказать, что будучи в службе никогда не помышляя ехать в чужие края, но таковая мысль ни малейшего не имела влияния на оставление мною службы, чему может служить доказательством то, что я прожил по выходе в отставку еще два года в России, частью в Москве, частью в имении тетки моей княжны Щербатовой.

3-й. Где, когда и по какому случаю познакомились вы с Николаем Тургеневым, капитаном Якушкиным, Муравьевыми и полковником князем Трубецким?

[*Ответ*]. С Николаем Тургеневым и с Якушкиным учился вместе в Московском университете; с полковником князем Трубецким, Матвеем Муравьевым и Сергеем Муравьевым, 'познакомился служа в Семеновском полку, а через них и с Никитою Муравьевым, их родственником. В Семеновском же полку продолжал свое знакомство и с Якушкиным.

4-й. После выхода вашего из лейб-гвардии Семеновского полка, имели ли вы личное или письменное сношение с означенными лицами где, когда и в чем оное заключалось?

* Писан собственноручно Чаадаевым на больших листах, перегнутых пополам вдоль. С левой стороны перегиба текст вопросов, без этого наименования, с правой стороны — ответы. Текст всякого нового вопроса пишется, начиная против того места, где закончен текст предыдущего ответа.

[*Ответ*]. С Якушкиным видался несколько раз в бытность свою в Москве по выходе в отставку; связь моя с ним продолжалась и во время путешествия моего по чужим краям; в Риме получил от него письмо, в ответ на мое письмо, писанное из Милана. Кроме сношений дружбы никаких и ни в какое время с ним не имел. С Матвеем и Никитой Муравьевыми, с князем Трубецким и с Николаем Тургеневым виделся в С. Петербурге перед отъездом своим за границу. С первыми после того не имел никаких более сношений; с Тургеневым же виделся в Риме и в Карлсбаде и получил от него, в продолжении пребывания своего за границею, два письма.

5-й. В одном из писем Николая Тургенева, писанном к вам из Неаполя 14-го (26-го) февраля 1825 года, изъяснены следующие слова: „каждое письмо из С. Петербурга, как бы оно бедно ни было в известиях о том что там делается, наводит на меня тяжелую грусть; живя там мы ко всему присмотрелись, но здесь неистовство глупости сильно поражает“.—К чему именно сии слова относятся и какая мысль в оных заключается?

[*Ответ*]. Зная совершенно положение Николая Тургенева по службе, не могу ничего другого сказать на счет сих слов, как, что служа в департаменте законов государственного совета, имел он случай знать обо всех злоупотреблениях и беспорядках, чинимых в России, что производило в нем сильное всегда негодование. Сверх того много думал он о положении крестьян в России, беспрестанно об этом предмете помышляя, посему уверен, что слова его в письме ко мне относятся до сих предметов. Что же касается до последних слов неистовство и глупость, то не могу сказать, что он под ними понимал.

6-й. По знакомству вашему с вышеупомянутыми лицами, которые в последствии времени оказались все участвовавшими в известных происшествиях в России, не заметили ли вы в разговорах с ними, или между ими или же из поступков их, что либо такого, что бы могло возбудить подозрение об их злоумышленных предприятиях?

[*Ответ*]. Хотя по знакомству моему с ними, знал их образ мыслей и политическое вольнодумство, простиравшееся у многих до весьма высокой степени, но никаких причин не имел заключать о их тайных видах* и преступных и безумных намерениях.

7-й. Кто сочинил имеющиеся между бумагами вашими стихи, под названием „Смерть“ и другие относящиеся к Занту?

[*Ответ*]. Как стихи под заглавием „Смерть“ и другие о Занте, равно как и прочие отрывки стихов, тут же находящиеся, сочинены известным стихотворцем Пушкиным.

8-й. Были ли оные стихи напечатаны и опубликованы в России или другом месте?

[*Ответ*]. Сколько мне известно, оные стихи никогда не были напечатаны, но были весьма известны в России и находились во всех руках.

9-й. Где и от кого вы получили оные стихи и для чего вы их списали и хранили у себя?

[*Ответ*]. Получил я оные стихи за границею в Швейцарии от адъютанта покойного генерал-адъютанта Уварова князя Щербатова. Не обращая никакого внимания на их содержание сохранил их единственно у себя за достоинство их в литературном смысле.

10-й. Между бумагами вашими находится рекомендательное письмо англичанина Коока к приятелю своему Марриоту, в Лондон, в коем он

* „Видах“ написано вм. зачеркнутого „намерениях“.

пишет, что вы едете в Англию для исследования нравственных причин благоденствия того края, дабы ввести оные, буде можно, в Россию. Кто таков англичанин Коок и какие именно причины нравственного благоденствия предполагали вы исследовать в Англии?

[*Ответ*]. Англичанин Кук известный миссионер. Я познакомился с ним во Флоренции при проезде его из Иерусалима во Францию. Так как все его мысли и весь круг действий обращены были к религии, то все разговоры мои с ним относились до сего предмета. Благоденствие Англии приписывал он вообще распространенному там духу веры, я же со своей стороны [зачеркнуто „изъявлял“] говорил ему с горестью о недостатке веры в народе русском особенно в высших классах. По сему случаю дал он мне письмо к приятелю своему в Лондон, с тем чтобы он мог познакомить меня более с нравственным расположением народа в Англии. Так как я в Англии после сего не был, то и письмо это осталось у меня, а с Куком и с Марриотом никакого после того не имел сообщения и даже об них ничего не слыхал.

11-й. Большая часть книг ваших касается Религий. Какие причины побуждают вас заниматься более этой частью наук, как другими?

[*Ответ*]. Из давнего времени, прежде выезда за границу, занимался я христианскою литературою, не имея при том никакого другого вида как умножение познаний своих нащет религии и укрепления своего в вере христианской. В России имею значительное собрание книг по сей части; в бытность свою в Дрездене старался увеличить сколько мог оное собрание.

12-й. Между прочим имеются у вас книги, которые в России запрещены, почему вы оные везли с собою возвращаясь в Россию?

[*Ответ*]. Какие именно сочинения запрещено ввозить в Россию, мне не известно. Живши же в России часто выписывал книги из чужих край и с дозволения цензуры, объявив, что для собственного употребления выписываю книги, обыкновенно получал все без изъятия, кроме тех, в которых содержались личные клеветы насчет царской фамилии. В сих же книгах полагаю ничего такого не находится, но так как всех их еще не прочел, то уверительно сказать не могу.

13-й. Вы находясь еще в России в 1822 году, когда по высочайшему его императорского величества повелению уничтожены все масонские ложи, и требовались только о принадлежности или непринадлежности к масонству подписки, давали ли от себя такую подписку и кем она от вас требовалась?

[*Ответ*]. Сколько я припомню, таковые записки требовались только от служащих военных и гражданских лиц; я же находясь тогда в отставке, таковой подписки от меня не было требовано, следственно я таковой никому не давал.

14-й. Имели ли с того времени какое-либо сношение с масонскими ложами, с какими именно и в чем оно заключалось?

[*Ответ*]. Не только со времени запрещения, но и гораздо прежде я всякое сношение с масонскими ложами пресек, по собственному удостоверению, что в оном ничего не заключается могущего удовлетворить честного и рассудительного человека. С ложею же, к которой принадлежал, соединенных братьев (*Amis réunis*) пресек совершенно свои сношения в то время, как по отставке выехал из Петербурга, на что и должен был сохраниться в делах оной ложи документ, моей рукой писанный. В оной бумаге изъявил, что я с той ложею никакого впредь сношения иметь не намерен.

15-й. Существует ли еще в С. Петербурге или другом месте России ложа к которой вы принадлежали и от коей имеется у вас грамота на

восьмую степень, под тем ли самым существует она названием, что прежде, или под другим, под каким именно, и что вам вообще ныне об оной ложе известно?

[*Ответ*]. Прекратив с давнего времени все сношения с масонским орденом, не имею никакого сведения ни об той ложе, к которой при-

П. Я. ЧААДАЕВ

Портрет неизвестного художника, 1823 г.

Местонахождение оригинала неизвестно

надлежал, ни об прочих. Полагаю, судя по мерам, принятым правительством на щет масонства, что оной ложе более не существует.

16-й. Во время проживания вашего за границу имели ли какое-либо сношение с тамошними масонскими ложами и какими именно?

[*Ответ*]. Ни с какими.

17-й. Была ли какая-либо разница между закрытою ложею тайных белых братьев Иоанна или ордена Иисуса Христа, коей вы были чле-

ном, и другими масонскими ложами и в чем таковая разница заключалась?

[*Ответ*]. Закрытая ложа тайных белых братьев принадлежала к [зачеркнуто „числу“] обыкновенному масонству, в России принятому. Название же тайных белых братьев присвоено одной восьмой степени. Первые три масонские степени известны под именем иоановского масонства; следующие три андреевского, седьмой же и восьмой имеют особые названия.

18-й. Оставив масонство, почему вы сохранили у себя грамоту, данную вам на восьмую степень?

[*Ответ*]. На сие никакого другого изъяснения дать не могу, как что остался оный патент у меня с прочими бумагами, напоминающими мне прежние лета моей жизни.

19-й. Не принадлежали ли вы в России или за границею к каким-либо другим тайным обществам, где и под каким названием оные существовали и какая была их цель и не знали ли вы о существовании подобных обществ, хотя бы сами к оным не принадлежали?

[*Ответ*]. Ни к какому тайному обществу никогда не принадлежал. Мнение мое вообще об тайных обществах видеть можно из находящейся в бумагах моих речи о масонстве, писанной мною еще в 1818 году, где ясно и сильно выразил мысль свою о безумстве и вредном действии тайных обществ вообще. О существовании обществ тайных в России не имел другого сведения, как по общим слухам, об названиях же их и цели никакого понятия не имел, и какие лица в них участвовали, не знал.

20-й. Во время теперешнего проживания своего в Бресте Литовском, имели ли с кем-либо переписку, с кем именно и в чем она заключалась?

[*Ответ*]. Писем ни от кого не получал. Сам же писал к брату два письма; в первом известил его о нахождении моем в Бресте; во втором же просил его прислать ко мне Библию.

Подписано: Отставной лейб-гвардии Гусарского полка ротмистр Петр Чаадаев.

При допросе находился флота капитан командор Колзаков.

8. ПОДПИСКА ЧААДАЕВА

Во исполнение высочайшей его императорского величества воли, объявленной повсеместно и по долгу верноподданнической присяги чести и совести моей, я нижеподписавшийся признаюсь чистосердечно что в 1814 году на службе в городе Кракове был я принят в масонскую ложу, которой название запомнил и получил в оной первые две степени. В 1822 году находясь в отставке, подписки о пресечении всякого сношения с масонством требовано от меня не было, по сему таковой в то время и дать не мог. Но прежде того принадлежа с 1815 года к российскому Востоку, получил следующие шесть степеней. С 1821 года же пресек всякое сношение с масонством, по собственному уверению в ничтожестве и безрассудстве оного. Ныне даю сию подписку в том что впредь ни к каким тайным обществам где и под каким бы они названием не существовали, принадлежать и сношений с оными ни письменно, ни словесно ниже вообще другими какими-либо способами ни сам собою ни посредством других я иметь не буду, подвергая себя в противном случае строжайшему наказанию как государственный [пропуск].

Брест Литовский 1826 года августа 29 дня. Отставной лейб-гвардии Гусарского полка ротмистр Петр Яковлев сын Чаадаев.

I

И Пушкин, и Чаадаев лично уцелели при разгроме передовой дворянской интеллигенции после восстания 14 декабря 1825 года. Они даже не подвергались аресту. Спасло их то, что оба были в то время удалены от центра: Пушкин — в Михайловском, из которого он так отчаянно пытался вырваться, Чаадаев — за границей. Им предстояло установить свое положение при новых порядках после воцарения Николая. Пушкин любой ценой, лишь бы без слишком унижительных условий для своего достоинства, готов был купить свою свободу, Чаадаев не хотел, да и не мог по материальным условиям, подобно Николаю Тургеневу, остаться за рубежом. Чаадаев и Пушкин появились в Москве одновременно, может быть в один и тот же день — 8 сентября 1826 г., вскоре после завершения жестокого суда над декабристами и казни пятерых из них, и почти немедленно после коронования Николая.

Обстоятельства приезда в Москву Пушкина и главные черты объяснения его лицом к лицу с царем хорошо известны. Условия примирения были для Пушкина внешне почетные и даже на первый взгляд выгодные. Едва ли сам Пушкин, а тем менее окружающие могли предвидеть, какие невыносимые цепи эти условия на него налагали.

Ничего подобного не было с Чаадаевым. Со времени мая 1820 г., когда друзья расстались в Петербурге, Пушкин, не взирая на гонения, стал самым выдающимся поэтом России и с ним приходилось очень и очень считаться. С Чаадаевым считаться совсем не приходилось. Чаадаев, вспоминая позже то «счастливое время, когда еще не наступили великие разочарования», указывает в 1831 г. в письме Пушкину на те «отрадные и блестящие реальности, которые были им, Пушкиным, осуществлены, как ни далеки они от обманчивых ожиданий, мечтательных предчувствий и лживых грез счастливого возраста неведения». Про себя ни в 1831, ни в 1826 г. он ни о каких осуществленных реальностях говорить не мог.

История его после их разлуки такова. Через несколько месяцев после высылки на юг Пушкина, в октябре 1820 г., разыгралась история известного солдатского возмущения против требований фронтовика Шварца в Семеновском полку. Чаадаев был послан с подробными докладами об этом в Троппау к императору Александру и привез оттуда суровую резолюцию с полным разгромом когда-то любимого государева полка.

Чаадаев, очевидно, правильно усмотрев в этом новый курс политики Александра, понял, что ему не место в командном составе в такой момент, отказался от ожидавшей его по общему мнению блестящей карьеры и вышел в отставку, имевшую вид какого-то протеста. Все толки о том, будто он вынужден был так поступить вследствие промедления в дороге за границу на конгресс, где был государь, так что его будто бы опередил австрийский курьер, вследствие чего Александр был поставлен в глупое положение по отношению к Меттерниху, и этим самым якобы попал в зависимость от политики последнего, что в свою очередь вызвало особенно жестокий приговор царя, — все это давно и совершенно категорически опровергнуто. В записках Меттерниха подробно рассказано, как он узнал от самого Александра о возмущении полка; Шильдер доказал, что Чаадаев доехал до места назначения ровно в столько же дней, как и специалист по скорой езде фельдъегер, а главное — Чаадаев вовсе и не был первым вестником к царю о семеновском происшествии, а ехал уже вторым, с более обстоятельными донесениями, не готовыми к моменту отправки первого.

По выходе в отставку Чаадаев прожил два года под Москвой без всякого дела, в очень тяжелом настроении и в начале июля 1823 г. уехал за границу, сам хорошо не зная, как Чацкий, которого тогда как раз создавал Грибоедов, куда именно и зачем он едет. За границей он прожил три года.

Начал с Англии, пробыл месяцев семь в Париже, потом попал в Швейцарию, откуда, несмотря на протесты брата против продления поездки, спустился в Италию. Во Флоренции встретил глубоко на него повлиявшего своим христианским мировоззрением английского миссионера методиста Кука, а в Риме провел два месяца в постоянном общении со старым своим другом Николаем Тургеневым. Рим произвел на Чаадаева впечатление потрясающее, как центр античного мира, колыбель христианства и резиденция пап. «Рим чрезвычайная вещь — ни на что не похожая, превосходящая всякое

ожидание и всякое воображение», — пишет он брату после отъезда оттуда. Для направления здоровья он ждет чудес от Карлсбада и едет туда через Венецию и Мюнхен. Карлсбадское лечение не пошло ему впрок, но зато он там познакомился и имел серьезные беседы со знаменитым Шеллингом, а также встретился со всеми тремя братьями Тургеневыми. 8/20 сентября 1825 г., как это видно из неизданного журнала Н. Тургенева, он вместе с ними выехал из Карлсбада, и поехал в Дрезден. Пробыть там он думал шесть недель, а остался более 9 месяцев, до самого возвращения в Россию. Ничего основательно Чаадаев за границей не изучал, повидимому никаких курсов не слушал, но общее наблюдение над всем складом европейской жизни, впечатления от людей, как Кук и Шеллинг, от Рима и от чтения книг, которые он усердно закупал, так что вывес с собою домой чуть ли не целую библиотечку, доступную теперь нашему изучению, — дали ему нечто большее, чем лекции и курсы: твердо укоренившееся общее философское мировоззрение и определенную оценку мирового исторического процесса, послужившие основой для своеобразной системы мнений, которую он и развивал впоследствии в своих писаниях. Но все это был только сырой материал для будущих проявлений. Пока же он был всего лишь гусарский ротмистр в отставке.

Сообразно с этим и вступление его в николаевское царствование произошло совсем не так, как у Пушкина. И ему пришлось подвергнуться проверочной экспертизе до возвращения в Москву, но не во дворце, а в отдаленном городишке, после долгого неопределенного ожидания на самой границе обетованной земли, какой ему теперь может быть впервые в жизни должна была представляться Россия. И объясняться ему пришлось не с царем, а с агентами его брата, взбалмошного Константина.

Печатаемая здесь переписка и допрос дают довольно полный материал для суждения о том, что произошло с Чаадаевым в Бресте, и о показаниях, которые он дал при задержании его, впрочем без заключения под стражу.

Дело «Канцелярии дежурного генерала по секретной части», которое здесь напечатано почти полностью, было уж раз предметом публикации, но с такими сокращениями и неточностями, что необходимо его новое, более полное и более точное воспроизведение.

Первая публикация сделана в виде статьи в «Русской Старине» 1900 г. под заглавием: «Петр Яковлевич Чаадаев (материалы для его биографии)», подпись под статьей «Н. Д.» несомненно указывает на академика Н. Ф. Дубровина, бывшего в то время редактором этого журнала.

В «Русской Старине» источник публикации не указан. Там напечатан один рапорт вел. кн. Константина Павловича от 21 июля 1826 г. (в теперешней публикации № 4) и затем допрос Чаадаева в виде 12 вопросов и ответов на них. Гершензон использовал статью в своей биографии Чаадаева, а затем в «Сочинениях и письмах Чаадаева», т. I, стр. 67—72, перепечатал текст допроса, не обращаясь к подлиннику, находящемуся теперь в Военно-историческом архиве. Он уже заметил несомненный пропуск в печатном тексте допроса. И действительно, из сравнения текста с подлинником оказывается, что ответ на первый из напечатанных вопросов на самом деле соответствует 2, 3 и 4 вопросам подлинника. Это одно уже совершенно искажает весь характер ответов Чаадаева. Он как-будто по собственной инициативе, спрошенный только о том, имел ли он при выходе в отставку намерение отправиться за границу, называет целый ряд осужденных заговорщиков, Николая Тургенева, Якушкина, Трубецкого, Матвея, Сергея и Никиту Муравьевых, между тем как на самом деле он отвечает на поставленные ему о каждом из них вопросы. Далее, в напечатанном ответе на 8 вопрос подлинника заключается ответ на 8 и 9 вопросы, в ответе на 11 вопрос опять совмещены ответы на 11 и 12 вопросы. Сверх того совсем опущены вопросы 16, 18 и 20, равно как и ответы на них. Наконец, при печатании внесены в текст разные неточности. Так, в ответе на 17 вопрос, Чаадаев якобы пишет: «первые три масонские степени известны под именем иоанновского масонства, следующие три — выбрелевского (или востелевского), седьмой же и восьмой имеют особенные названия». Знатоки масонства, конечно, и до обращения к подлиннику могли догадаться, что таинственные клички «выбрелевское» или «востелевское» масонство составляют простое искажение общеизвестного наименования «а н д р е е в с к о г о» масонства, переписчик просто не сумел прочитать

написанного Чаадаевым слова, но «профан» может усмотреть тут какие-то новые масонские тайны, тем более, что ответ Чаадаева на 14 вопрос может вызвать действительно некоторое недоумение.

Не лучше обстоит дело с передачей переписки. Напечатан только один рапорт, помещенный у нас под № 3. Наконец оставлена без внимания подписка, взятая с Чаадаева после допроса.

Здесь все дело перепечатано целиком, за исключением только одной бумажки, составляющей конспект и другой, напечатанной выше под № 4.

II

Необходимость внимательно пересмотреть весь вопрос о «странном случае» с Чаадаевым, как последний его называет в письме к брату от 1 августа 1826 г., вызывается еще и тем, что имеется одно как-то забываемое указание на него, которое в свою очередь нуждается в разъяснении, а его и дает печатаемая переписка, если ее проследить полностью. В напечатанной в «Вестнике Европы» 1871 г. (№№ 7 и 9) биографии Чаадаева М. И. Жихарев привел следующий на первый взгляд совсем фантастический рассказ о брестском инциденте.

Коснувшись событий 14 декабря 1825 г. Жихарев в заключение так рассказывает о случае при возвращении из-за границы Чаадаева. «Если не ошибаюсь, в Ковне (или в Бресте Литовском) Чаадаев был задержан и дальнейшее следование было ему запрещено без объяснения на то причин»... «В то же время находился в Ковне (или Бресте Литовском) проездом, не знаю куда, в Москву или Петербург, вел. кн. Константин Павлович. Вечером, в очень сильную грозу Чаадаев уведомил письмом одного из его адъютантов о своем положении, которое сию же минуту было доведено до великого князя. Мне неизвестно, имел ли тут личное свидание Чаадаев с вел. кн., или дело исполнилось через третьих лиц, только достоверно, что вел. кн. принял его к самому участвующему сведению, всячески Чаадаева успокаивал, шутил, смеялся, говорил, что «все обделает и уладит» и приказал ему не трогаясь с места и не смущаясь дожидаться в Ковне (или Бресте Литовском) своего возвращения. Так, разумеется, и исполнилось. По возвращении же он будто бы сказал Чаадаеву: *maintenant vous avez la clef des champs**. После чего они, каждый в свою сторону, разъехались и никогда уже больше не видались».

И затем Жихарев добавляет: «В настоящее время догадаться, что именно сделано вел. кн. для Чаадаева, не только трудно, но и в конце невозможно»...

Жихареву конечно не были известны ни письмо Чаадаева к брату от 1 августа 1826 г., ни тем более текст допроса и связанная с ним секретная переписка.

Вопреки его мнению, мы в настоящее время можем установить роль вел. кн. в этом деле довольно точно. Станным образом она раздваивается: он и активный возбудитель дела против Чаадаева и, действительно, главный виновник его сравнительно благополучного разрешения. И хотя в лице Жихарева перед нами прошел путанный и ненадежный свидетель, однако же показание его дает, в соединении с перепиской, ключ к пониманию случившегося. Как и в других случаях, Жихарев плохо разбирается в фактах, но он долго жил вблизи Чаадаева и сведения его часто восходят непосредственно или через посредство других лиц к самому Петру Яковлевичу.

Как было указано выше, Чаадаев выехал из Карлсбада вместе с братьями Тургеневыми 8/20 сентября 1825 г. Повидимому с отъездом из Карлсбада кончились светлые впечатления Чаадаева за границей. Ему предстояло, как он сам пишет брату еще из Карлсбада, пробывать в Дрездене недель шесть «под наблюдением доктора», который должен был определить результаты лечения и дать дальнейшее наставление. Результаты оказались никуда не годными.. С первого же письма идут жалобы на полное изнеможение, физическое и духовное, чередуются выражения «вертижи», лихорадка, желудочная болезнь, катар, рюматизмы в голове, голова кружится день и ночь». Чаадаев приписывает это излишнему употреблению вод и дурному лечению (письмо 26 сентя-

* Т. е. иными словами: теперь вы свободны на все четыре стороны.

просьбы от него не поступало, никакого допроса ему еще не учинено. Дата второго ответа Дибича вполне объясняет, в чем дело. 22 августа состоялась коронация, а благоприятная резолюция подписана 23 августа, как раз перед самым отъездом Константина. Он не стал дожидаться пышных торжеств, продолжавшихся в Москве еще целый месяц, и обделав очевидно еще 23 числа свои очередные дела, затем ночью выехал обратно в Варшаву с двумя распоряжениями: подвергнуть Чаадаева строгому допросу, а вместе с тем — с правом освободить его независимо от представления допроса в центр.

Самый допрос имел место 26 августа. Колзаков, «флота капитан-командор», который присутствовал при допросе, но повидимому не производил его самостоятельно, был приближенный к Константину человек (воспоминания его и его сына о Константине Павловиче помещены были в «Русской Старине» 1870 и 1873 гг.). Как было выше указано, сам Константин Павлович выехал из Москвы в ночь на 24 августа, едва ли он мог быть в Бресте уже 26 числа и там поручить сопровождавшему его Колзакову присутствовать при допросе. Но 29, к моменту взятия подписки, он, очень может быть, как раз был, проездом обратно в Варшаву, в Бресте. Во всяком случае 30 августа он был уже в Варшаве: этим числом датировано письмо его к Николаю из Варшавы, а 1 сентября им подписан в Варшаве же последний по этому делу рапорт, в приложении к которому посланы подлинники допрос и подписка Чаадаева.

III

На нескольких пунктах допроса приходится еще остановиться. Перечисленные в п. 3 допроса декабристы все названы в бывших в числе бумаг Чаадаева пяти письмах Н. И. Тургенева и письме Якушкина. Все шесть писем были возвращены Чаадаеву и находятся ныне среди пожертвованных Жихаревым в б. Румянцевский Музей бумаг Чаадаева — в рукописном отделении библиотеки Ленина. Все они напечатаны в приложениях к изданным под ред. Гершензона «Сочинениям и письмам Чаадаева», т. I. В своих объяснениях о фактической стороне знакомства с заговорщиками Чаадаев в общем держался тактики признания и обнаружения даже новых фактов о своих сношениях с ними (о свиданиях перед отъездом за границу), за исключением одного, самого главного: он упорно утверждал, будто не имел с ними никаких других сношений, кроме сношений дружбы...

В ответ на 6 вопрос Чаадаев очевидно старается особенно усилить на словах свое отрицательное отношение к революционным замыслам. Он написал сначала о чуждых ему «тайных намерениях», а затем усилил это выражение, сказав: «о тайных видах, преступных и безумных намерениях».

По отношению к 7 вопросу может возникнуть неправильное представление о находившихся среди бумаг Чаадаева стихах Пушкина. Там говорится о стихах «Смерть» и других, относящихся к «Занту». Чаадаев в ответе еще шире, чем это сделано в вопросе, определяет состав имевшихся у него стихов. Он говорит не только о стихах «Смерть» и «других о Занде», но еще и о «прочих отрывках стихов, тут же находящихся». Между тем в рапорте цесаревича от 21 июля, основанном на изучении отобранного материала, определенно говорится лишь об одних стихах «Смерть», «в коих упоминается о Занте», так что повидимому здесь идет речь только о стихотворении «Кинжал», а не о двух отдельных стихотворениях.

Значение, какое имел для Чаадаева англичанин «известный миссионер» Кук, о котором говорится в ответе на 10 вопрос, обрисовано Чаадаевым в одном из известных его «отрывков» («Сочинения и письма» т. I, стр. 153—154). Самый текст инкриминируемого рекомендательного письма Кука полностью приведен Гершензоном в примечаниях к I т. «Сочинений и писем» на стр. 366.

Очень интересны ответы Чаадаева по поводу вопросов о масонстве. Чаадаев конечно совершенно прав, указывая, что подписки о принадлежности к масонству требовались в 1822 г. только от служащих. Как известно, во главе списка масонов, объявивших о своей прежней принадлежности к масонству и давших обязательство впредь не

ских агентов. Чаадаев, проболев две недели в Варшаве, продолжал свой путь, и подвергся в Бресте осмотру и задержанию.

Задержание Чаадаева произошло 17 или 18 июля, как это видно из первой же строки помещаемого ниже напечатанного в «Сочинениях» письма к брату, которое интересно, как единственный неофициальный источник, исходящий за это время от самого Чаадаева:

Брест-Литовск 1 августа.

Я здесь живу мой друг две недели. Со мною здесь случился странный случай. Приехав сюда был осмотрен по обыкновению на таможне, довольно строго; между прочим взяты были у меня бумаги по обыкновению для пересмотра. По сих пор мне их не отдали. Вероятно послали в другое место разбирать, а может найдя там несколько писем от Тургенева препроводили их куды-нибудь на рассмотрение. Как скоро получу свои бумаги назад, — поеду не останавливаясь в Дмитров. — Езды отсюда до вас шесть дней. Из Дрездена выехал тому полтора месяца назад. В Варшаве по болезни прожил две недели — теперь здоров.

В Дрездене пробыл лишнее время, за что винюсь —

Прости мой друг

П. Чаадаев.

Штемпель: Брест, 2 августа 1826 г.

Второй рапорт Константина послан очень скоро после отобрания бумаг у Чаадаева, на 10 дней раньше, чем раскачался Чаадаев на письмо к брату — уже 21 июля, но рассмотрение рапорта в центре на этот раз задержалось. Получение его в Петербурге совпало с переездом двора и окружения царя в Москву. Приговор суда над заговорщиками был незадолго до того вынесен и даже приведен в исполнение. 13 июля совершена казнь пятерых и проделана комедия экзекуции над прочими осужденными (за исключением Тургенева). Интерес к новому изловленному злоумышленнику не мог быть сильным, к тому же власть готовилась к коронационным торжествам и все помыслы были направлены в другую сторону. Ответ на второй рапорт Константина Павловича последовал через двадцать дней после его написания — 11 августа, и помечен Москвой.

Ответ этот не мог уже заставить цесаревича в Варшаве. Он неожиданно для всех, в том числе и для царствующего брата, тщетно пытавшегося раньше подкрепить свое положение личным наглядным всенародным признанием беспорядности его власти со стороны старшего брата, явился 14 августа в Москву для присутствия на коронации. Из Варшавы он выехал 9 августа, а через Брест проезжал вероятно 10-го. Вот тут-то и произошло очевидно обращение Чаадаева к нему, о котором выше приведен рассказ Жихарева. Ясно, что великий князь познакомился с первым ответом Дибича на его второй рапорт, где Дибич передает высочайшее распоряжение о допросе Чаадаева, только в Москве и тогда, когда у самого вел. князя, может быть не без влияния известий о масонстве Чаадаева — ведь и сам Константин был когда-то масон, — изменилось отношение к изловленному им же «брату», томившемуся в несчастном местечке уже более месяца в тоскливом ожидании решения своей судьбы. А с другой стороны, за цесаревичем ухаживают: ведь и для народной массы, и для съехавшихся на коронацию представителей монархов важнейших держав именно его участие в коронации придаст ей особый блеск и повышает значение. Как же не проявить великодушия, которое ему ничего не стоит! После коронации Николай между прочим писал брату: «Угадывать ваши намерения и ваши желания есть и будет постоянной потребностью для меня, да будет это вам известно раз и навсегда (Шильдер, «Импер. Николай I», т. II, стр. 10). И вот без всякой новой бумаги со стороны Константина, без всякой мотивировки, в полное противоречие с первым ответом на рапорт 21 июля, пишется второй ответ Дибича, 23 августа. Никакого допроса Чаадаеву еще нет, не дожидаясь его, цесаревичу дается полная свобода распорядиться по своему усмотрению судьбой Чаадаева. При этом подсказывается разрешение освободить его на все четыре стороны, в ожидании его искреннего раскаяния и вразумления, хотя никаких шагов и доказательства готовности исправиться со стороны Чаадаева не сделано, так как никакой

просьбы от него не поступало, никакого допроса ему еще не учинено. Дата второго ответа Дибича вполне объясняет, в чем дело. 22 августа состоялась коронация, а благоприятная резолюция подписана 23 августа, как раз перед самым отъездом Константина. Он не стал дожидаться пышных торжеств, продолжавшихся в Москве еще целый месяц, и обделав очевидно еще 23 числа свои очередные дела, затем ночью выехал обратно в Варшаву с двумя распоряжениями: подвергнуть Чаадаева строгому допросу, а вместе с тем — с правом освободить его независимо от представления допроса в центр.

Самый допрос имел место 26 августа. Колзаков, «флота капитан-командор», который присутствовал при допросе, но повидимому не производил его самостоятельно, был приближенный к Константину человек (воспоминания его и его сына о Константине Павловиче помещены были в «Русской Старине» 1870 и 1873 гг.). Как было выше указано, сам Константин Павлович выехал из Москвы в ночь на 24 августа, едва ли он мог быть в Бресте уже 26 числа и там поручить сопровождавшему его Колзакову присутствовать при допросе. Но 29, к моменту взятия подписки, он, очень может быть, как раз был, проездом обратно в Варшаву, в Бресте. Во всяком случае 30 августа он был уже в Варшаве: этим числом датировано письмо его к Николаю из Варшавы, а 1 сентября им подписан в Варшаве же последний по этому делу рапорт, в приложении к которому посланы подлинные допрос и подписка Чаадаева.

III

На нескольких пунктах допроса приходится еще остановиться. Перечисленные в п. 3 допроса декабристы все названы в бывших в числе бумаг Чаадаева пяти письмах Н. И. Тургенева и письме Якушкина. Все шесть писем были возвращены Чаадаеву и находятся ныне среди пожертвованных Жихаревым в б. Румянцевский Музей бумаг Чаадаева — в рукописном отделении библиотеки Ленина. Все они напечатаны в приложениях к изданным под ред. Гершензона «Сочинениям и письмам Чаадаева», т. I. В своих объяснениях о фактической стороне знакомства с заговорщиками Чаадаев в общем держался тактики признания и обнаружения даже новых фактов о своих сношениях с ними (о свиданиях перед отъездом за границу), за исключением одного, самого главного: он упорно утверждал, будто не имел с ними никаких других сношений, кроме сношений дружбы...

В ответ на 6 вопрос Чаадаев очевидно старается особенно усилить на словах свое отрицательное отношение к революционным замыслам. Он написал сначала о чуждых ему «тайных намерениях», а затем усилил это выражение, сказав: «о тайных видах, преступных и безумных намерениях».

По отношению к 7 вопросу может возникнуть неправильное представление о находившихся среди бумаг Чаадаева стихах Пушкина. Там говорится о стихах «Смерть» и других, относящихся к «Занту». Чаадаев в ответе еще шире, чем это сделано в вопросе, определяет состав имевшихся у него стихов. Он говорит не только о стихах «Смерть» и «других о Занте», но еще и о «прочих отрывках стихов, тут же находящихся». Между тем в рапорте цесаревича от 21 июля, основанном на изучении отобранного материала, определенно говорится лишь об одних стихах «Смерть», «в кои х упоминается о Занте», так что повидимому здесь идет речь только о стихотворении «Кинжал», а не о двух отдельных стихотворениях.

Значение, какое имел для Чаадаева англичанин «известный миссионер» Кук, о котором говорится в ответе на 10 вопрос, обрисовано Чаадаевым в одном из известных его «отрывков» («Сочинения и письма» т. I, стр. 153—154). Самый текст инкриминируемого рекомендательного письма Кука полностью приведен Гершензоном в примечаниях к I т. «Сочинений и писем» на стр. 366.

Очень интересны ответы Чаадаева по поводу вопросов о масонстве. Чаадаев конечно совершенно прав, указывая, что подписки о принадлежности к масонству требовались в 1822 г. только от служащих. Как известно, во главе списка масонов, объявивших о своей прежней принадлежности к масонству и давших обязательство впредь не

участвовать в масонских ложах, стоял и сам Константин Павлович. Об участии Чаадаева в ложе „Des amis réunis“ («Соединенных друзей») (Чаадаев ее называет по-русски «Соединенных братьев») хорошо известно по исследованиям Пыпина, Семевского и др., не лишне напомнить, что на ряду с ним в эту ложу входили Пестель и сам Бенкендорф, а также и Грибоедов: Чаадаев числился там в пятой степени. Но о принадлежности Чаадаева к восьмой степени масонства нигде ранее напечатанного допроса не было указаний и то, что говорит здесь об этом Чаадаев, только запутывает дело. Утверждение будто «Ложа белых братьев принадлежала к обыкновенному масонству, в России принятому», неверно. Принятое тогда в России официальное масонство ограничивалось шестью степенями.

Это место показаний поэтому и вызвало недоумение В. И. Семевского («Идеи декабристов», СПб, 1909, стр. 657). Самое название «Ложи тайных белых братьев» приводится по разному в рапорте Константина и в 17 пункте допроса. К сожалению, не приведены ни время выдачи патента, ни подписи скрепивших его братьев. Самое место выдачи указано только в рапорте и не совсем уверенно: «Патент масонской верховной и как видно Российской в С. Петербурге ложи»... Семевский предполагает, что дело может идти о шведском масонстве, и напоминает, что французский исследователь масонства Кламель (Clavel) приводит близкое к данному название 8 степени шведской системы: „Frère favori de St Jean ou du cordon blanc“ («Возлюбленный брат св. Иоанна или белой ленты»). Во времена масонства Чаадаева шла распря между поборниками простого масонства без высших степеней и старинного шведского масонства с высшими степенями, обладатели которых составляли высший распорядительный орган — «капитул», неведомый непосвященным и даже рядовым масонам. Повидимому Чаадаев присоединился к последнему направлению и достиг там сравнительно высокого положения. Интересная работа Н. М. Дружинина «О масонских знаках Пестеля» (во втором выпуске сборника «Музей революции», М. 1932), хорошо освещая тогдашние течения в масонской среде, разъяснения данного случая не содержит.

Совершенной простотой, нигде до сих пор не опубликованной, является и сообщаемый в «Подписке» факт принятия Чаадаева в какую-то ложу в Кракове в 1814 г. Существенно было бы категорическое заявление Чаадаева в ответ на 16 вопрос, что ни с какими заграничными ложами он в сношения не вступал, если бы можно было вполне положиться на это утверждение. Едва ли можно принять на веру ответ на 18 вопрос, будто Чаадаев сберегал и возил с собой за границу масонский патент исключительно на память о прошлом. Никаких следов самого патента, отобранного у Чаадаева, не найдено, и он едва ли был ему возвращен.

Наиболее рискован и далек от истины ответ Чаадаева на 19 вопрос, с отрицанием какого бы то ни было участия в тайных обществах и даже сколько-нибудь обстоятельного знакомства с ними. Как известно, в еще более категорической форме при своем обращении к новому правительству отрицал и свое участие в обществах, и знание о них Пушкин (Подписка 11 мая 1826 г.). По отношению к осведомленности об организации тайных обществ Чаадаев, может быть, и имел больше, чем Пушкин, прав на свое отрицание. Рисунки Пушкина изобличают его замечательную осведомленность в этой области. Сведения Чаадаева были вероятно довольно ограничены и он конечно ничего не знал о новых фактах со времени своего отъезда за границу. Но свое личное участие в тайном обществе Чаадаев мог отрицать лишь с большим риском быть изобличенным в обмане. Правда, в известном «Алфавите декабристов», служившем справочником для Николая I и самым подручным средством проверки показаний в этой области, было о Чаадаеве сказано только следующее:

«Чаадаев. Бывший адъютант генерала Васильчикова. По показанию Якушкина, Бурцова, Никиты Муравьева, Трубецкого и Оболенского, Чаадаев был членом Союза Благоденствия, но уклонился и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 года. Высочайше повелено оставить без внимания».

Однако же такая характеристика основана на неправильной передаче в «Алфавите» решительного показания первого из названных лиц — Якушкина, о принятии им Чаадаева в члены общества именно после прекращения Союза Благоденствия. Может

быть, какой-либо благожелатель из братьев по масонству смягчил при сводке для «Алфавита» показание Якушкина на следствии, но оно не допускает двух толкований: «В 1821 году по данному мне препоручению на бывшем тогда совещании принял я в общество покойного отставного генерала Пассека и отставного лейб-гвардии гусарского полка ротмистра Чаадаева («Восстание декабристов», т III, стр. 55).

Правда, сам Якушкин объясняет в «Записках» своих, что решился назвать Чаадаева, зная его пребывание за границей и имея в виду облегчить свое положение, но он и в «Записках» по существу повторяет тот же рассказ о принятии Чаадаева, а в моей статье «Якушкин и Чаадаев» (в сборнике «Декабристы и их время», вып II, 1932) приведено письмо Якушкина, подтверждающее принятие Якушкиным Чаадаева в тайное общество в 1821 г. документально. Чрезвычайно интересно сообщение Чаадаева о произнесенной им в 1818 г. в ложе речи о вреде тайных обществ вообще: судя по его ответу при допросе речь эта имела в отобранных у него бумагах. Следов этой речи не сохранилось. Об этом во многих отношениях приходится очень пожалеть. Она могла бы осветить столкновение различных мнений в момент образования первых тайных обществ, и дополнить наше представление о Чаадаеве первой поры его близости с Пушкиным, эпохи первого послания Пушкина к Чаадаеву с мечтой об «обломках самовластия». Речь эта была бы кроме того самым ранним известным литературным произведением Чаадаева, за отсутствием которого приходится пока признать таковым разбираемые и публикуемые здесь впервые полностью ответы на допросе, хотя литературное произведение это и является вынужденным сочинением на заданную тему.

Можно думать, что допрос был наиболее легким из испытаний, пережитых Чаадаевым за сорок слишком дней (с 18 июля до 29 августа) брестского томления. Надо вспомнить, что в это время ему приходилось постепенно, может быть урывками и с недостаточными данными в руках, узнавать о последних этапах расправы с декабристами, кончая казнью пятерых, из которых по крайней мере трое были его хорошими знакомыми, а все осужденные вместе — представителями того общества, в котором он жил и с которым связаны были все его надежды и опасения. То, что переживал Пушкин в конце июля в Михайловском, в обстановке все же гораздо более благоприятной, то приходилось ему претерпевать в условиях полного одиночества, без книг и бумаг, с мрачными думами о трагедии всей общерусской жизни и об отдельных разбитых или задавленных петлею палача жизнях...

Конечно, эти 40 дней — незабываемая страница биографии Чаадаева и то, что он ее не выразил литературно, едва ли означает, что она легко ему досталась. Загнанные внутрь горе и обида отнюдь не менее тягостны вследствие того, что не находят себе выхода во внешнем выражении. Может быть пережитые тяжелые и унижительные впечатления были одной из главных причин, почему возобновившиеся отношения с Пушкиным при их свидании в Москве прошли почти бесследно. Мы только и знаем о них по отзыву Соболевского о присутствии Чаадаева на чтении «Бориса Годунова» Пушкиным у него на квартире и заметке Погодина в его дневнике 23 декабря 1828 г. о рекомендации Пушкиным Чаадаева Погодину, как знакомого с Шеллингом.

Нам остается еще проследить последствия того распоряжения о надзоре за Чаадаевым, которое было, как мы видели, послано в Москву от главного штаба немедленно по получении первого рапорта цесаревича (см. бумагу Дибича под № 2). Отпущенный на волю в Бресте из одной клетки, очутившись наконец у цели своего пути, в Москве, Чаадаев должен был попасть в другую клетку, хотя и более просторную. В Московском историко-революционном архиве имеется особое дело секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора, 1826 г. (№ 73), озаглавленное: «По высочайшему повелению о бдительнейшем надзоре за ротмистром Чаадаевым». Дело начинается с извещения цесаревича посланного московскому генерал-губернатору 7 июля 1826 г., т. е. в один день с его рапортом государю о будущем прибытии Чаадаева в Москву. Затем следует распоряжение Дибича (№ 2 публикуемого дела) и сведения о дальнейших действиях полиции. Из них видно, что Чаадаев в Москве останавливался в гостинице Лейба и выехал 4 октября в дмитровское имение своей тетки, где за ним и был установлен надзор.